

Андрей Курков

Памяти русской культуры

*Часть сборника
Тонкая математика страсти
(сборник)*

Андрей Курков

Памяти русской культуры

«Фолио»

Курков А. Ю.

Памяти русской культуры / А. Ю. Курков — «Фолио»,

«Ванна стояла на высоких ржавых ножках, приваренных Максом. Макс жил по соседству на автомобильном кладбище. За последние пяток лет он прямо-таки поднаторел в газосварочном деле...»

© Курков А. Ю.

© Фолио

Андрей Курков

Памяти русской культуры

Ванна стояла на высоких ржавых ножках, приваренных Максом.

Макс жил по соседству на автомобильном кладбище. За последние пяток лет он прямо-таки поднаторел в газосварочном деле. И вот теперь, благодаря этим ножкам, костер можно было разводить прямо под ванной и за какие-то полчаса вода нагревалась до приятной телу температуры.

Мирон залез в ванну, подбросив под нее еще охапку дровишек, окунулся с головой – зря, что ли, таскал ведрами воду из недалекого озерца, – а потом вынырнул и посмотрел с гордостью вокруг.

Здесь было его царство. Здесь он был хозяин, так же, как Макс на своем автомобильном кладбище. Но Мирон был уверен, что Макс завидует ему. Автомобильных кладбищ по стране хватает, а вот о втором таком кладбище роялей он никогда не слышал.

Они лежали прямо на земле. Черные, белые, бежевые. Некоторые – ободранные и побитые, но все еще хранящие свое бывшее величие.

Четверг в два часа пополудни считался традиционным ванным днем. Об этом, конечно, никто, кроме Мирона и Макса, не знал.

Два часа наступило десять минут назад. Еще через двадцать минут придет Макс. Он потрет Мирону спину, потом попросит, чтобы Мирон не очень-то отмывался – ему ведь в этой же воде мыться.

Мирон вдохнул побольше воздуха, зажал пальцами ноздри и снова нырнул.

Ему хотелось вспомнить что-то хорошее из прошлого. Вспомнил сонату фа-минор Баха. Стал слушать.

На белом «Стейнвэе», том, что лежал сейчас прямо на брюхе рядом с домиком-сарайчиком, когда-то играл Прокофьев.

«Ну и что?!» – спросил однажды Макс, услышав об этом от Мирона.

Что с Макса возьмешь? Он – немец. Бывший западный. Приехал посмотреть на перестройку, да так и остался.

Он любил Гете и учил русский, чтобы читать в оригинале Пушкина. Выучил, прочитал Пушкина и разочаровался.

Мирон чувствовал, как все реже и реже отбивает ритм его сердце. Надо было выныривать, но так не хотелось.

В детстве ему нравился фильм «Человек-амфибия».

Вынырнул. Перегнулся и заглянул под ванну – дрова догорали.

Осень оголяла землю.

Часы «Ракета» показывали половину третьего.

Макса все еще не было. Это казалось странным – ведь единственное, что в Максе осталось от немца, – пунктуальность.

Соната фа-минор закончилась, и стало тихо.

«Хорошо все-таки, что Макс – немец! – думал Мирон. – Будь он русским – уже спился бы и меня самого споил бы!»

Из-за пернатого облачка выглянуло солнце. Невысокий заборчик и несколько кленов и тополей, росших за домиком-сарайчиком, отбросили тень.

«Я никогда не был так счастлив, – думал Мирон и сам удивлялся, откуда взялась эта глупая и совершенно лживая мысль, словно кто-то изнутри его самого пытается обмануть. – Я никогда не был...»

Вот теперь получилось лучше. Стоит только остановить мысль вовремя – и она выходит ничего...

Я никогда не был. Я никогда не был там. Я никогда не был там, где я был счастлив.

Это тоже не совсем правда.

Ножки от роялей, элегантные, ребристые, украшенные резьбой, лежали отдельно – они занимали угол в домике-сарайчике.

Мирон отвинчивал их сам. Макс только помогал опрокидывать гордые инструменты на бок.

Теперь они лежали своими деревянными животами на холодной земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.